

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК С ПОРОКАМИ ВОЛИ Invalidity of transactions with defects of will

МАЛЮТКИНА Наталия Семеновна,

кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора по учебной и воспитательной работе
Чебоксарский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет».
428003, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, 54.
E-mail: 489293@mail.ru;

СКВОРЦОВ Евгений Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедры права
Чебоксарский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет».
428003, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, 54.
E-mail: skv-evgeniy@rambler.ru;

Malyutkina Natalia Semyonovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department
of the Cheboksary Institute (branch) of the Moscow Polytechnic University.
54 Karl Marx str., Cheboksary, Chuvash Republic, 428003.
E-mail: 489293@mail.ru;

Skvortsov Evgeniy Nicolayevich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department
of the Cheboksary Institute (branch) of the Moscow Polytechnic University.
54 Karl Marx str., Cheboksary, Chuvash Republic, 428003.
E-mail: skv-evgeniy@rambler.ru

Краткая аннотация: в научной работе авторами анализируются нормы ГК РФ, регулирующие вопросы недействительности сделок, совершенных с пороками воли. Отдельно исследуется в настоящей работе ст. 179 ГК РФ. Авторы приходят к выводу, что ст. 179 ГК РФ предусматривая признания сделок совершенных под влиянием угрозы, насилия или обмана не раскрывает данные понятия. Также по мнению авторов указание в п. 3 ст. 179 ГК РФ на наличие тяжелых обстоятельств, говоря правовым языком, является некорректным. В связи с чем, авторы работы считают необходимым внести изменения в ст. 179 ГК РФ.

Abstract: in the scientific work, the authors analyze the norms of the Civil Code of the Russian Federation governing the invalidity of transactions made with defects of will. Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation is examined separately in this work. The authors come to the conclusion that Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation, providing for the recognition of transactions made under the influence of threat, violence or deception, does not disclose these concepts. Also, according to the authors, the indication in paragraph 3 of Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation for the presence of grave circumstances, in legal terms, is incorrect. In this connection, the authors of the work consider it necessary to amend Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: сделка, порок воли, волеизъявление, воля стороны, недействительность сделок, тяжелые обстоятельства.

Keywords: transaction, vice of will, expression of will, will of the party, invalidity of transactions, difficult circumstances.

Для цитирования: Малюткина Н.С., Скворцов Е.Н. Недействительность сделок с пороками воли // *Аграрное и земельное право*. 2022. № 12(216). С. 101-102. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_101.

For citation: Malyutkina N.S., Skvortsov E.N. Invalidity of transactions with defects of will // *Agrarian and Land Law*. 2022. No. 12(216). pp. 101-102. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_101.

Статья поступила в редакцию: 22.11.2022

Главными элементами в любой сделке являются: во-первых, наличие внутренней воли сторон, во-вторых, наличие внешнего проявления сделки, т.е. наличие волеизъявления от сторон на ее заключение. При помощи своего волеизъявления сторона сообщает другой стороне о своем намерении заключить сделку. Для заключения договора необходимо проявление согласованной воли от двух либо более сторон. Тем самым стороны свободны в заключение сделок. Запрещается заставлять либо понуждать кого-либо к заключению сделки. Исключение составляют случаи, когда обязанность заключить договор предусмотрена ГК РФ, законом или добровольно принятым обязательством.

В случае если сторона при заключении сделки действовала не свободно, из-за наличия разных причин и обстоятельств, которые повлияли на ее поведение, противоречащее ее настоящему волеизъявлению, то это может являться основанием для того, чтобы признать сделку недействительной.

В действующем законодательстве не закреплено легальное понятие порока воли. Тем не менее, порок воли является одним из оснований для признания сделки недействительной.

Порок воли проявляется в следующих формах:

- несоответствие воли стороны своему волеизъявлению, т.е. гражданин либо заблуждается относительно природы сделки и ее последствий либо из-за наличия своего психического состояния не может понимать значение своих действий;
- порочность в формировании воли стороны, т.е. наличие обмана, насилия, угрозы, тяжелого стечения обстоятельств. В данной ситуации воля стороны совпадает с ее волеизъявлением. Но, она все равно является совершенной с пороком воли, так как она совершена при наличии противоправных действий и обстоятельств, которые привели к появлению воли стороны для заключения сделки. Такая воля потерпевшей стороны является деформированной, т.е. при отсутствии обмана, угрозы, насилия потерпевшая сторона не совершила бы данную сделку.

Доктрина к гражданско-правовым сделкам, заключенным с пороками воли относит следующие сделки:

- притворные и мнимые сделки (ст. 170 ГК РФ);

- сделки, заключенные гражданином, который не способен понимать смысл своих поступков и действий, не способен руководить своими действиями (ст. 177 ГК РФ);

- сделки, заключенные под влиянием существенного заблуждения, которые возникли по вине контрагента либо по причинам, которые возникли вне зависимости от сторон и от их желания и воли (ст. 178 ГК РФ);

- сделки, которые были совершены стороной под влиянием угрозы, насилия, обмана, вследствие злостного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, а также кабальные сделки, совершенные лицом вынуждено, вследствие стечения тяжелых обстоятельств и на крайне невыгодных условиях, чем другая сторона воспользовалась (ст. 179 ГК РФ).

Следует отметить, что ст. 179 ГК РФ предусматривая признания следок совершенных под влиянием угрозы, насилия или обмана не раскрывает данные понятия. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2] и Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162 (Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации) [3] также не раскрывают данные понятия.

Только в п. 3 ст. 179 ГК РФ указывается на то, что «обманом считается также намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота».

Авторы работы считают необходимым внести дополнения в ст. 179 ГК РФ, раскрыв в ней данные понятия, либо дополнить указанное выше постановление или информационное данными понятиями следующего содержания:

«1) под насилием понимается противоправное физическое воздействие в отношении участника сделки либо его близких лиц со стороны другого участника сделки или заинтересованного третьего лица с целью заставить совершить сделку вопреки своей воле и своим интересам путем причинения личного и/или имущественного вреда;

2) под угрозой понимается психологическое воздействие на участника сделки, либо его близких лиц со стороны другого участника сделки, либо заинтересованного третьего лица с целью заставить совершить сделку вопреки своей воле и своим интересам. Угроза может выражаться в причинении личного или имущественного вреда в отношении данных лиц или угрозе применения насилия в отношении этих лиц, угроза должна быть реальной, серьезной, осуществимой и противозаконной;

3) под обманом понимается умышленное введение недобросовестной стороной или третьим лицом другой стороны в заблуждение относительно намерений и (или) обстоятельств, имеющих значение для заключения сделки, на условиях, выгодных другой стороне либо третьему лицу».

Статья 179 ГК РФ в п. 3 указывает, что признать сделку недействительной можно в случае, если сторона ее заключила в очень невыгодных для себя условиях из-за стечения крайне тяжелых обстоятельств. Вторая же сторона в данной ситуации недобросовестно воспользовалась тяжелым положением первой стороны.

По мнению авторов работы, указание в п. 3 ст. 179 ГК РФ на наличие тяжелых обстоятельств является некорректным, поскольку если говорить правовым языком, то такие обстоятельства лучше назвать тяжкими либо неблагоприятными, но не тяжелыми.

При таких обстоятельствах, следует изменить рассматриваемый пункт и изложить его в следующей редакции: «сделка на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжких обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего».

Библиография:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2015. - № 8.
3. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 10.12.2013 № 162. Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации. // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. - 2014. - № 2.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - Article 3301.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated June 23, 2015 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2015. - № 8.
3. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 162 dated 10.12.2013. Review of the practice of application by arbitration courts of Articles 178 and 179 of the Civil Code of the Russian Federation. // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. - 2014. - № 2.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ Development of legal regulation of social entrepreneurship in Russia

БАТТАХОВ Петр Петрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;

Battakhov Petr Petrovich,

candidate of of jurisprudence, senior researcher of Institute of the state and right
of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация: В работе рассматривается правовое регулирование социального предпринимательства в России. Проведен анализ федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Также исследованы основные функции социального предпринимательства. Выполнен анализ ряда региональных законов, связанных развитием социального предпринимательства. Сделан вывод о том, что необходимо дополнить нормы действующего законодательства по социальному предпринимательству.

Abstract: The work considers the legal regulation of social entrepreneurship in Russia. An analysis of the federal law "On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation" was carried out. The main functions of social entrepreneurship have also been investigated. An analysis of a number of regional laws related to the development of social entrepreneurship was carried out. It was concluded that it is necessary to supplement the norms of the current legislation on social entrepreneurship.

Ключевые слова: Арктика, закон, социальное государство, федеральный закон, норма права, бизнес, экология.

Keywords: Arctic, law, social state, federal law, rule of law, business, ecology.

Для цитирования: Баттахов П.П. Развитие правового регулирования социального предпринимательства в России // *Аграрное и земельное право*. 2022. № 12(216). С. 103-106. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_103.

For citation: Battakhov P.P. Development of legal regulation of social entrepreneurship in Russia // *Agrarian and Land Law*. 2022. No. 12(216). pp. 103-106. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_103.

Статья поступила в редакцию: 27.11.2022

Российская Федерация – социальное государство, ведущее политику, направленную на формирование условий для достойной жизни и развития каждого человека. Данная норма прописана в пункте 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации. Аналогичные тенденции актуальны для развития бизнеса, но в мировой практике, включая Российскую Федерацию, законами обозначен перечень актуальных задач, которые выполняют с привлечением предпринимателей. В данном случае бизнес должен вести общественно полезную деятельность (например, помощь социально незащищенным людям обеспечивает преференции от государства). В России подобный бизнес называют социальным, но в Конституции Российской Федерации нет ограничений социального направления только удовлетворением потребностей данных категорий населения. В действительности деятельность по оптимизации экологии в стране выходит за пределы экологического сообщества, при этом в законодательстве нет присоединения подобной активности к социальному предпринимательству. Несмотря на это, экологический бизнес не получает поддержку от государства, если он выходит за пределы социального предпринимательства. Изучая основной закон, нельзя прийти к выводу, что государство оказывает поддержку только бизнесу малого и среднего масштаба. На самом деле подобное ограничение прописано в законодательстве России. Явление объясняется сутью социального бизнеса, а также базовой стадией законодательной регуляции подобного предпринимательства[1].

Социальное предпринимательство – важнейший общественный институт, где кроме получения дохода деятельность направляется на поиск решения для всевозможных проблем, которые актуальны для современного общества[2]. В Российской Федерации активно развивается институт социального предпринимательства. Много лет подряд этот вид бизнеса функционально был структурирован в рамках работы различных коммерческих и некоммерческих структур, однако, сегодня социальное предпринимательство актуализировано на федеральном уровне, и его значение открыто рассматривается в качестве реальной помощи населению со стороны хозяйствующих субъектов и государственной власти. В России образовалось огромное количество социальных проблем, мешающих дальнейшему развитию страны, и, естественно, власть не может более оставаться в стороне от возможных способов их решения. Еще в 2019 году были внесены некоторые дополнения в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ». Статьи 3, 4.1 и 24.1 уже вступившего в силу Федерального Закона №245 закрепили основные понятия о социальном предпринимательстве и социальных предприятиях. В качестве эффективного механизма устранения проблем в социальной сфере было избрано именно социальное предпринимательство. Сегодня оно позволяет вести конструктивный диалог между двумя субъектами права: государством и хозяйствующими субъектами. Направлены данные беседы в первую очередь на повышение качества и уровня жизни простых людей. Основная задача ближайшего будущего в этом направлении – установление равновесия между инициативой государства и поддержкой частного бизнеса. Опыт других стран и отечественных предпринимателей доказал востребованность социального предпринимательства в России, благодаря чему в рамках данной программы каждый хозяйствующий субъект выполняет возложенное на него обязательство по эффективному ведению бизнеса и по решению определенных социальных проблем[3].

В последующем, чтобы понимать понятие социального предпринимательства в России. Необходимо, отметить, что предприниматель-

ством называется хозяйственная деятельность в различных направлениях, целью которой является регулярное получение доходов, благодаря удовлетворению нужд потребителей товаров или услуг. Предпринимательская деятельность – это двигатель прогресса экономики и социального блока развитых государств. Ведь предприниматель – вдохновитель и законодатель новых идейных направлений в нашем обществе. Если проанализировать экономику развитых стран мира, то у большинства из них предпринимательская деятельность находится на высоком уровне развития.

Цель предпринимательства – процесс получения регулярной выгоды от финансовой и экономической деятельности. Исторически российский бизнес уходит своими корнями глубоко в прошлое нашей страны. Со временем меняются времена и облик отечественного предпринимательства, постоянно адаптирующегося под конкретные потребности того или иного периода развития.

По авторитетному мнению, профессора Занковского С.С., свободное развитие предпринимательства предполагает отсутствие препятствий для него во всех, а также общность норм и правил. Поэтому на законодательном уровне устанавливаются единые рыночные правовые основы, регулирующие предпринимательскую базу. Однако детальное самоуправление передается в руки региональных и муниципальных органов власти. Таково нынешнее положение дел в сфере социального предпринимательства. Ситуация такова, что отдельные субъекты РФ, присваивая статус социального предприятия конкретному малому или среднему бизнесу, сами вправе определять дополнительные виды деятельности и категории работников, помимо указанных в Законе о развитии МСП. Учитывая принятые отдельными субъектами РФ дополнения относительно видов бизнеса и категорий работников, данная схема стимулирования социальных предприятий малого и среднего звена целиком реализуется за счет местных и региональных бюджетов. Кроме того, в пределах границ Российской Федерации запрещено устанавливать таможенные ограничения, либо по-другому препятствовать свободе транспортировки товаров, распространению различных услуг, передвижению финансовых активов. Ограничить указанные перемещения допустимо лишь в рамках федерального российского законодательства, в отдельных, предусмотренных законом случаях. Это закреплено в статье 74 Конституции РФ [4].

Суть социального предпринимательства заключается в попытке решить проблемы общества в результате тесного партнерства хозяйствующих субъектов с государством. Задача же социальных предпринимателей представляет собой применение инноваций в качестве способов разрешения общественных проблем. В сфере их внимания находятся затруднения с трудоустройством молодежи, плохая доступность услуг здравоохранения во многих удаленных населенных пунктах, бедность значительных слоев российского населения и т.д. Для всех перечисленных проблемных вопросов социальное предпринимательство является инновацией, позволяющей создать реальный экономический эффект для устранения указанных проблем государства. Кроме того, субъекты хозяйствования впервые сталкиваются с подобным общественным феноменом. В Российской Федерации, например, предприниматели на протяжении всей истории занимались решением общественных вопросов самостоятельно, а большая часть бизнесменов и сейчас лишена государственной помощи и действует самостоятельно, не прибегая к инновациям. Однако, сейчас уже появилась возможность партнерского взаимодействия с государством для укрепления данного направления. Теперь социальное предпринимательство становится взаимно выгодным как для бизнеса, так и для государства. Это происходит от части благодаря государственным финансовым вливаниям. Цель подобной политики – приобретение тройной выгоды от устранения общественных проблем, поднятие жизненного уровня населения и получение прибыли от бизнеса.

Для осуществления деятельности в области социального предпринимательства юридическому лицу и индивидуальному предпринимателю необходимо получить статус официального социального предприятия. Статус социального предприятия подразумевает преобразование хозяйствующего субъекта в предпринимателя, постоянно занимающегося предпринимательством на основании определенного устава и работающего над социальными проектами, направленными на повышение благосостояния определенных гражданских лиц с параллельным получением выгоды для себя и своего предприятия.

Сейчас государство строго фильтрует хозяйствующих субъектов, претендующих на статус социального предприятия. Первая регистрация социального предпринимателя состоялась в нашей стране в апреле 2020 года. Данный статус, согласно законодательству, надо обновлять каждый последующий год. Регистрация социального предприятия в государственном реестре дает право на определенные льготы, позволяющие развивать бизнес более успешно. Государство поддерживает таких предпринимателей в первую очередь информацией, вливанием финансов, предоставлением имущества и инфраструктуры. Для россиян, претендующих на звание социального предпринимателя, предусмотрено две стадии регистрации в данном статусе. Сначала физическое лицо должно получить регистрацию индивидуального предпринимателя или хозяйствующий субъект. Если относительно законодательства всё верно, то по истечении определенного времени, доказывающего устойчивое положение открытого бизнеса, можно подавать заявку на переход в статус социального предприятия. В российском законодательстве процесс получения данного статуса довольно сложен. Кроме решения текущих процедурных вопросов бизнесмен обязан четко обозначить тип деятельности своего социального предприятия. Для того чтобы хозяйствующим субъектам или индивидуальным предпринимателям перейти в разряд социальных предприятий, необходимо подготовить соответствующую документацию и предоставить ее в местный департамент экономического развития. Итогом данной процедуры является присвоение субъекту малого или среднего бизнеса статуса социального предприятия, подтвержденного записью в реестре юридических лиц. Только это дает субъекту право хозяйствования на дальнейшую помощь со стороны уполномоченных государственных органов. Не стоит и забывать про то, что социальные предприятия также контролируются налоговыми органами.

Субъекты предпринимательства могут быть классифицированы в соответствии с серией параметров. Самый актуальный из них применяется Департаментом предпринимательства и инновационного развития города Москва. Данный параметр базируется на содержании деятельности рассматриваемых субъектов, включая их кадровый состав.

Первая категория – предоставление рабочих мест социально уязвимым слоям общества. В компании должно быть не менее 50% (как

минимум 2 человека) штата таких сотрудников, на которых распространяется зарплатный фонд от 25%.

Вторая категория – реализация продукции и услуг от социально уязвимых граждан. При подведении итогов предыдущего года, на их долю должно приходиться, как минимум 50% от общего объема доходов, при этом сумма прибыли от реализации подобной деятельности равна 50% общего числа дохода или более.

Третья категория – производство продукции (оказание услуг, выполнение работ), рассчитанной на социально уязвимые категории населения в соответствии с конкретными направлениями деятельности. По итогам предыдущего года доля доходов от такой работы должна быть от 50%, при этом доля чистой прибыли, полученной от реализации подобной деятельности в текущем году, должна быть, как минимум, 50% от указанного размера.

Четвертая категория – ведение деятельности, целью которой является достижение целей, обладающих важностью для общественности. Параллельно обеспечивается содействие в решении социальных проблем. Данные цели деятельности входят в перечень, который четко регламентируется законодательными актами. По итогам аудита за предыдущий год доля прибыли должна составлять от 50% из общего потока финансов. Объем чистой прибыли за предыдущий год в результате реализации подобной деятельности составляет, как минимум, 50% от суммы изложенной прибыли. В данном контексте классификация проблем социальных предприятий выполняется на базе их кадровой структуры, при этом принимаются во внимание параметры выполняемой деятельности. В результате формируются правовые основания, обеспечивающие внесение субъекта в перечень социальных предприятий[5].

Прогресс хозяйственной деятельности на российской территории во многом зависит от успеха социального предпринимательства. Основное федеральное законодательство на эту тему получает постоянные дополнения от отдельных субъектов Российской Федерации. В каждом российском регионе разная социальная проблематика, поэтому сочетание местных и общих федеральных способов решения вопросов дополняют друг друга и образуют общее эффективное средство для дальнейшего развития. На сегодняшний день статистические данные по развитию социальных предприятий по всей России разнятся, так что приведем лишь отдельную информацию по разным регионам страны. К примеру, в Краснодарском крае еще осенью 2019 года был одобрен закон «О внесении изменений в Закон Краснодарского края «О развитии малого и среднего предпринимательства в Краснодарском крае». Статья 3 данного закона получила дополнение в виде определения понятия социального предпринимательства, полностью соответствующего федеральному видению данного вопроса. В статье 6 оговорена необходимость занесения в единый список предприятий малого и среднего бизнеса, которым оказывается государственная поддержка. Кроме того, законодательный акт «О развитии малого и среднего предпринимательства в Краснодарском крае» сейчас дополнен статьей 72, предусматривающей оказание помощи социальному предпринимательству государственными структурами субъектов России. Нижегородские властные структуры в декабре 2020 года одобрили закон «О развитии социального предпринимательства в Нижегородской области», содержащий полноценные данные о региональных социальных предприятиях. В этом законе регламентируются все нюансы обсуждаемого вопроса: данные условия и способы государственных дотаций, меры поддержки и контроля со стороны местных властей и другие основные понятия, и термины. Представленный нормативный правовой акт стал образцовым для иных российских регионов, он не включает в себя дополнительные мероприятия, категории гражданских лиц и виды их деятельности, входящие в область функционирования социального бизнеса. Более расширенные положения относительно федерального закона представлены в принятом в октябре 2020 года Законе Ульяновской области №98-ЗО «О правовом регулировании отдельных вопросов социального предпринимательства на территории Ульяновской области». В этом документе представлен список гражданских лиц, их видов занятости, а также перечень требуемых бумаг для получения статуса социального предприятия. В список категорий работников социальных предприятий добавлены несовершеннолетние, оставшиеся без родителей, и осиротевшие дети. К разновидностям возможной деятельности добавились материальная поддержка таких детей и обслуживание жертв чрезвычайных ситуаций и незащищенных в социальном смысле граждан[6].

Выше сообщалось, что развитие социального предпринимательства, в первую очередь, зависит от уровня поддержки от государства, при этом несомненно получать помощь от бизнеса. Именно социальные предприятия являются ключевыми заинтересованными лицами. В ходе проведенного ранее социологического исследования удалось понять, что ключевыми проблемами, возникающими перед социальным предпринимательством, по мнению экспертов, являются недостаточная поддержка от государства и практическое отсутствие инвестирования. В список ключевых проблем в сфере развития социальных предприятий вносятся: неразвитые партнерские отношения между государством и социальным предпринимательством в пределах кооперативного сотрудничества. Также сложно получить кредит, ведь нет залогового имущества. Кроме того, фиксируются иные проблемы. В результате исследования зарубежной практики в сфере поддержки социального бизнеса удалось установить, что самыми эффективными способами государственной поддержки можно назвать:

1. Разработка государственных программ, направленных на поддержку социального предпринимательства.
2. Предоставление денежной поддержки в виде кредитов, грантов, облигаций и т.д.
3. Оказание услуг в сфере образования.
4. Развития инфраструктура поддержки – центры социальных инноваций, поддержка бизнеса и т.д.
5. Информационная поддержка, в которую входит знакомство покупателей с деятельностью социального предпринимательства, при этом полезная информация должна поступать в направлении социальных предприятий[7].

Таким образом, изучение описанной тематики говорит о том, что необходимо обновление существующего подхода к ситуации и заполнение пробелов в законодательстве Российской Федерации для удовлетворения новых требований времени. Развитие социального предпринимательства – актуальное требование современности. Его планомерному развитию пока что препятствует отсутствие единых определений данно-

го явления. Улучшить положение может совершенствование и правовое регулирование сферы социального предпринимательства для решения проблем населения. Поэтому, как можно скорее, необходимо внести соответствующие дополнения в федеральное законодательство.

Библиография:

1. Занковский, С. С. Правовая концепция социального предпринимательства // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 82-86.
2. Нетесова, М. С. К вопросу об оценке социального воздействия социального предпринимательства // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 157-161.
3. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Занковский С.С. Конституционные основы социального предпринимательства в России // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 4. С. 121-124.
5. Занковский, С. С. Правовые аспекты концептуальной модели социального предпринимательства /// Modern Science. – 2020. – № 11-1. – С. 80-85.
6. Малахова О.В., Радостева Я.Н. Государственная политика правового регулирования института социального предпринимательства в России//Вестник ОрелГИЭТ. 2021. № 2 (56). С. 173-180.
7. Нетесова, М. С. О перспективах развития социального предпринимательства в Российской Федерации /// Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 136-142.

References:

1. Zankovsky, S. S. Legal concept of social entrepreneurship//Problems of economics and legal practice. – 2021. - T. 17. – № 4. - S. 82-86.
2. Netesova, M. S. On the issue of assessing the social impact of social entrepreneurship//Gaps in Russian legislation. – 2021. - T. 14. – № 6. - S. 157-161.
3. Federal Law "On the Development of Small and Medium-Sized Businesses in the Russian Federation" dated July 24, 2007 No. 209-FZ (latest edition)//SPS "ConsultantPlus."
4. Zankovsky S.S. Constitutional foundations of social entrepreneurship in Russia//Problems of economics and legal practice. 2020. T. 16. № 4. S. 121-124.
5. Zankovsky, S. S. Legal aspects of the conceptual model of social entrepreneurship///Modern Science. – 2020. – № 11-1. - S. 80-85.
6. Malakhova O.V., Radosteva Y.N. State policy of legal regulation of the Institute of Social Entrepreneurship in Russia//Bulletin OryolGIET. 2021. № 2 (56). S. 173-180.
7. Netesova, M. S. On the prospects for the development of social entrepreneurship in the Russian Federation///Gaps in Russian legislation. – 2021. - T. 14. – № 7. - S. 136-142.

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ДЕЛИКТНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ THE SUBJECTS OF THE TORT OBLIGATION OF CAUSING HARM TO LIFE AND HEALTH

МАТАНЦЕВ Дмитрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.
E-mail: matantsevda@gmail.com;

Matantsev Dmitry Aleksandrovich,
Associate Professor of the department of state law disciplines,
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, PhD in law.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.
E-mail: matantsevda@gmail.com

Краткая аннотация: В данной статье на основе анализа действующего гражданского законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и материалов правоприменительной практики раскрывается субъектный состав деликтных обязательств вследствие причинения вреда жизни и здоровью. Состав субъектов такого обязательства зависит от того, причинен ли вред жизни или здоровью гражданина. Ограничение возможности возмещения вреда лицам, являющимся иждивенцами потерпевшего, только в случае потери кормильца, признано необоснованным. Предлагается наделить таких лиц правом требования и в случае повреждения здоровья их кормильца. Кроме того, отмечается необходимость расширить в ст. 1088 ГК РФ круг лиц, уход за которыми порождает требование возмещения вреда. Помимо детей, внуков, братьев и сестер умершего лица предлагается указать в этом перечне иных иждивенцев (бабушек, дедушек, родителей и др.).

Abstract: In this article, based on the analysis of the current civil legislation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and materials of law enforcement practice, the subjects of tort obligations due to harm to life and health is revealed. The composition of the subjects of such obligations depends on whether harm has been caused to the life or health of a citizen. The limitation of the possibility of compensation for harm to persons who are dependents of the victim, only in case of loss of the breadwinner, is recognized as unjustified. It is proposed to give such persons the right to claim in case of damage to the health of their breadwinner. In addition, there is a need to expand in Article 1088 of the Civil Code of the Russian Federation the circle of persons whose care generates a claim for damages. In addition to children, grandchildren, brothers and sisters of the deceased person, it is proposed to indicate in this list other dependents (grandparents, parents, etc.).

Ключевые слова: деликтные обязательства, вред жизни и здоровью, обязательства по потере кормильца, иждивенцы, деликтоспособность.

Keywords: tort obligations, harm to life and health, obligations for the loss of the breadwinner, dependents, delinquency.

Для цитирования: Матанцев Д.А. Субъектный состав деликтного обязательства из причинения вреда жизни и здоровью // Аграрное и земельное право. 2022. № 12(216). С. 107-109. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_107.

For citation: Matantsev D.A. The subject of the tort obligation of causing harm to life and health // Agrarian and Land Law. 2022. No. 12(216). pp. 107-109. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_107.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2022

Институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни и здоровью, относится к числу древнейших институтов права, корни которого можно найти в правовых порядках каждого государства. С течением времени роль этого института не только не уменьшается, но даже возрастает. С одной стороны, научно-техническое развитие социума обеспечивает большую безопасность человека, медицина способствует более качественному сбережению здоровья человека. Однако в то же время инновации в науке и технике создают немало рисков техногенных аварий, рост используемых источников повышенной опасности неизбежно повышает возможности для причинения вреда жизни и здоровью. В этих условиях изучения механизма возмещения вреда жизни и здоровью гражданина, поиск оптимального баланса интересов приобретают особое значение. Ключевое значение при рассмотрении вопросов возмещения вреда жизни и здоровью имеет определение круга лиц, на которые соответствующая ответственность возлагается и в чьих интересах она реализуется.

В любом обязательстве традиционно выделяются два участника – кредитор и должник, что является характерным и для деликтного обязательства по возмещению вреда жизни и здоровью.

В качестве кредитора выступает либо лицо, которому непосредственно причинен вред жизни и здоровью, либо его близкие родственники, иждивенцы, имущественное, физическое и нравственное состояние которых претерпело негативные изменения в результате данного деликта. Последние являются кредиторами в обязательстве по потере кормильца. Круг таких лиц определяется ст. 1088 ГК РФ. К ним относятся: нетрудоспособные лица, которые либо фактически находились на иждивении умершего, либо на день смерти имели право получения содержания от него; родившиеся после смерти дети умершего; один из родителей, супруг либо другой член семьи независимо от его трудоспособности, который не работает и занят уходом за находившимися на иждивении умершего его детьми, внуками, братьями и сестрами, не достигшими четырнадцати лет либо хотя и достигшими указанного возраста, но по заключению медицинских органов нуждающимися по состоянию здоровья в постороннем уходе; лица, состоявшие на иждивении умершего и ставшие нетрудоспособными в течение пяти лет после его смерти.

Как справедливо отмечает Е.А. Суханов, в отношении самого потерпевшего лица не имеет значения ни возраст, ни состояние здоровья, ни социальное и имущественное положение для возникновения права требования [4, с. 89]. Возраст, имущественное положение и размер

утраченного заработка может влиять только на объем возмещаемого вреда (ст. 1086, 1087 ГК РФ).

Что касается кредиторов в обязательстве по потере кормильца, в силу положений ст. 1088 ГК РФ, для возникновения у них права требования имеет значение ряд юридических фактов: состояние нетрудоспособности, нахождение на иждивении, родство с умершим, факт ухода за иждивенцами. Возраст, инвалидность влияют на срок существования права требования. В соответствии с п. 2 ст. 1088 ГК РФ несовершеннолетним кредиторам вред возмещается до достижения 18 лет, а при их обучении – до момента окончания обучения по очной форме (до 23 лет); лицам, имеющим инвалидность – на срок инвалидности; женщинам старше 55 лет и мужчинам старше 60 лет – пожизненно; родственникам, ухаживающим за иждивенцем – до достижения этим иждивенцем возраста 14 лет либо изменения состояния трудоспособности.

При рассмотрении обязательства по потере кормильца возникает вопрос, можно ли к числу возможных кредиторов относить лиц, не зарегистрировавших брак, но фактически создавших с умершим семью. На данный вопрос следует дать утвердительный ответ. Если такой сожитель находился на иждивении умершего лица, он имеет право на возмещение вреда в соответствии с п. 1 ст. 1088 ГК РФ. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» [3] отмечается, что состояние родства не оказывает влияние на признание лица иждивенцем.

Сожителя также можно отнести к числу лиц, имеющих право на возмещение вреда вследствие ухода за детьми, внуками, братьями и сестрами умершего. В соответствии с действующим семейным законодательством РФ супругом данное лицо признать невозможно, однако его можно отнести к «другим членам семьи» по аналогии со ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Действующая норма п. 1 ст. 1088 ГК РФ предполагает нахождение на иждивении умершего лица его детей, внуков, братьев и сестер. Вместе с тем, нередки случаи, когда на иждивении лица находятся нуждающиеся в помощи и постоянном уходе родители, бабушки, дедушки, иные лица. С учетом данного обстоятельства перечень указанных в абз. 4 п. 1 ст. 1088 ГК лиц необходимо расширить.

Гражданское законодательство при повреждении вреда здоровью гражданина предусматривает защиту только его имущественных и личных неимущественных интересов. Иждивенцы имеют право требования только при смерти лица. Однако утрата трудоспособности, тяжесть причиненного вреда здоровью негативно отражаются как на имущественном положении семьи, так и на физическом и нравственном состоянии не только самого потерпевшего, но членов его семьи. В этой связи Л.Д. Туршук предлагает выделять наряду с первоначальными кредиторами, вторичных кредиторов, которым производно также причиняется моральный и имущественный вред [5, с. 27-28]. В качестве примера такого вреда можно привести дорожно-транспортное происшествие, в результате которого погибает супруг беременной женщины. Стресс, вызванный данной ситуацией, осложняет течение беременности и приводит к патологии плода. В последующем, при рождении ребенок становится как кредитором в обязательстве по потере кормильца, так и фактически вторичным кредитором, поскольку ему причинен вред здоровью.

Поскольку объектом правовой защиты выступают личные неимущественные блага, кредитором по данному виду договорных обязательств не могут быть юридические лица. Строго личный характер данного обязательств предполагает также невозможность передачи прав требования по нему в порядке наследственного правопреемства (ч. 2 ст. 1112 ГК РФ). Как пояснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 постановления от 26.01.2010 № 1, наследники потерпевшего лица могут предъявлять в суд требования только в случае, если умершему лицу были начислены, но не выплачены при жизни суммы в качестве возмещения причиненного вреда.

Должником в деликтном обязательстве по возмещению вреда жизни и здоровья является либо сам причинитель вреда, либо лицо в силу закона несущее юридическую ответственность за его действия. Если вред гражданину причиняется одновременно несколькими лицами, между должниками возникает солидарная ответственность (ст. 1080 ГК РФ).

Необходимым условием ответственности непосредственного причинителя вреда является наличие у него деликтоспособности – способности нести ответственность за свои действия (бездействие). В соответствии с нормами действующего законодательства деликтоспособность физических лиц зависит от возраста и психического состояния лица. Не являются деликтоспособными лица, не достигшие возраста 14 лет, а также признанные судом недееспособными. Если вред причиняется малолетними или недееспособными, он подлежит возмещению его законными представителями (родителями, опекуном). В юридической литературе при характеристике гражданской и семейной правосубъектности несовершеннолетних лиц неоднократно обращалось внимание на возможность одних лиц реализовывать правоспособность других. Для такого феномена предлагалось даже понятие «делегированная правоспособность» [1, с. 51-55].

Однако в указанном случае имеет место не законное представительство в деликтных обязательствах, а самостоятельная ответственность родителей и опекунов за виновные действия, связанные с недосмотром за малолетним (недееспособным). На это обращено внимание в пп. 14 и 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1. О самостоятельной деликтной ответственности законных представителей малолетнего свидетельствует и то, что в соответствии с п. 4 ст. 1073 ГК РФ достижение малолетним возраста деликтоспособности не предполагает переложения на него данной деликтной обязанности [2]. Аналогичное правило действует и в отношении недееспособного, если он в последующем будет признан дееспособным (п. 2 ст. 1076 ГК РФ).

Если вред причинен несовершеннолетним лицом в возрасте от 14 до 18 лет, он несет деликтную ответственность на общих основаниях, однако при недостаточности у него имущества и в целях реализации компенсаторной функции деликтной ответственности ответственность возлагается на его законных представителей. Однако приобретение несовершеннолетним достаточного имущества или дохода приостанавливает субсидиарную ответственность его законных представителей (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1).

При причинении вреда лицом, признанным ограниченно дееспособным, такое лицо несет деликтную ответственность на общих осно-

ваниях без возможности привлечения к субсидиарной ответственности его попечителя.

Полная деликтоспособность наступает при достижении лицом возраста 18 лет, вступления в брак и эмансипации.

Помимо законных представителей несовершеннолетних и недееспособных ГК РФ устанавливает следующие случаи ответственности одних лиц за вред, причиненный другими лицами:

- ответственность работодателя за вред, причиненный работником (ст. 1068 ГК РФ);
- ответственность казны за вред, причиненный органами публичной власти и их должностными лицами (ст. 1069, 1070 ГК РФ).

Оба этих случая ответственности объединяет то, что делинквент, исполняя свои должностные обязанности, действует в интересах того, кто его этими обязанностями наделил. Именно в силу этой презумпции законодательство позволяет переложить бремя возмещения вреда на работодателя или публично-правовое образование. В этом случае также обеспечивается большая эффективность возмещения вреда как компенсаторной меры юридической ответственности.

В ряде случаев законодательством установлено страхование ответственности делинквента. В случае обязательного страхования ответственности потерпевшее лицо может непосредственно обратиться к страховщику с требованием выплатить вред в пределах страховой суммы (ст. 931 ГК РФ).

Страховое обязательство не заменяет собой деликтное, поскольку страховщик не является причинителем вреда и его обязательство вытекает из условий договора. Страхование является оперативным способом обеспечения интересов потерпевшего лица, но не может рассматриваться в качестве способа освобождения от деликтной ответственности, поскольку при осуществлении потерпевшему лицу выплат страховщик приобретает право регрессного требования к виновному лицу (ст. 1081 ГК РФ). Кроме того, если страховое возмещение не покрывает всех расходов потерпевшего лица, в остальной части обязанность возмещения вреда возлагается на делинквента (ст. 1072 ГК РФ).

Следует отметить, что страхование ответственности покрывает требования, связанные с имущественным ущербом. При этом компенсация морального вреда в объект страхования не включается (п. 2 ст. 6 федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»).

Таким образом, страховщик не может считаться субъектом деликтного обязательства.

Подводя итоги анализу субъектного состава обязательств из причинения вреда жизни и здоровью необходимо сделать следующие выводы.

Обязательства из причинения вреда жизни и здоровью имеют строго личный характер, что исключает возможность замены кредитора в данном обязательстве. В то же время вред жизни и здоровью посягает не только на личные неимущественные права самого потерпевшего, но также негативно отражается на имущественном, физическом и нравственном состоянии близких лиц потерпевшего. Это позволяет расширять круг возможных кредиторов в таком обязательстве. При этом гражданское законодательство в этом вопросе не является совершенным. На основе проведенного анализа сделан вывод о необходимости расширения круга лиц, уход за которыми может породить право требования возмещения вреда (абз. 4 п. 1 ст. 1088 ГК РФ). Кроме того, законодательно необходимо предусмотреть возможность возмещения вреда близким лицам потерпевшего не только в случае потери кормильца, но при повреждении здоровья.

Библиография:

1. Богдан В.В., Телегин Р.Е., Жерелина О.Н. Делегированная правоспособность в семейных правоотношениях // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 51-55.
2. Матанцев Д.А. Деликтоспособность как элемент гражданской правосубъектности // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 39-43.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.
4. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 89.
5. Туршук Л.Д. Современные проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный повреждением здоровья или смертью гражданина // Вестник СПбГУ. Серия 14. 2011. Вып. 4. С. 27-28.

References:

1. Bogdan V.V., Telegin R.E., Zherelina O.N. Delegated legal capacity in family legal relations // Gaps in Russian legislation. 2018. No. 5. pp. 51-55.
2. Matantsev D.A. Delictability as an element of civil legal personality // Legal science. 2021. No. 12. pp. 39-43.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated 26.01.2010 "On the application by courts of civil legislation regulating relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. No. 3.
4. Russian Civil Law: Textbook: In 2 vols. Vol. II: Law of Obligations / Ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. M.: Statute, 2011. C. 89.
5. Turshuk L.D. Modern problems of civil liability for harm caused by damage to health or death of a citizen // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. 2011. Issue 4. pp. 27-28.

DOI 10.47643/1815-1329_2022_12_110

УДК 347

МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА БЕСХОЗЯЙНУЮ НЕДВИЖИМУЮ ВЕЩЬ

Substantive and procedural aspects of the recognition of law municipal ownership of an ownerless immovable thing

КОНДРАТЕНКО Зарина Камилевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, Площадь Ленина, 1.

E-mail: mati07@rambler.ru;

KONDRATENKO Zarina Kamilevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Mari State University.

424000, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Lenin Square, 1.

E-mail: mati07@rambler.ru

Краткая аннотация. Настоящее межотраслевое исследование посвящено проблемным аспектам признания права муниципальной собственности на бесхозную недвижимость. Автором исследуется понятие бесхозной недвижимости. Особое внимание уделяется проблеме соотношения частных и публичных интересов при приобретении права муниципальной собственности на бесхозную недвижимость. Анализируются процессуальные нормы, регулирующие процедуру приобретения права муниципальной собственности на недвижимые вещи.

Abstract. This cross-sectoral study is devoted to the problematic aspects of recognizing the right of municipal ownership of an ownerless immovable thing. The author explores the concept of ownerless immovable. Particular attention is paid to the problem of the correlation of private and public interests in acquiring the right of municipal ownership of an ownerless immovable thing. The procedural norms regulating the procedure for acquiring the right of municipal ownership of immovable things are analyzed.

Ключевые слова: право муниципальной собственности, бесхозная недвижимость, приобретение права собственности, приобретательная давность.

Keywords: municipal property right, ownerless immovable thing, acquisition of property rights, acquisitive prescription.

Для цитирования: Кондратенко З.К. Материальные и процессуальные аспекты признания права муниципальной собственности на бесхозную недвижимость // Аграрное и земельное право. 2022. № 12(216). С. 110-113. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_110.

For citation: Kondratenko Z.K. Substantive and procedural aspects of the recognition of law municipal ownership of an ownerless immovable thing // Agrarian and Land Law. 2022. No. 12(216). pp. 110-113. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_110.

Статья поступила в редакцию: 20.11.2022

На первом этапе настоящего исследования рассмотрим более подробно порядок приобретения права муниципальной собственности на бесхозную недвижимость.

Согласно Приказу Минэкономразвития России от 10.12.2015 N 931 "Об установлении Порядка принятия на учет бесхозных недвижимых вещей"¹ срок принятия на учет бесхозной недвижимости составляет 15 рабочих дней со дня приема заявления и документов. После того как бесхозный объект будет поставлен на учет, орган регистрации прав направит заявителю соответствующее уведомление. Если объект был принят на учет в связи с отказом собственника от права собственности, то уведомление направят также и отказавшемуся собственнику (п. п. 10, 11 указанного Порядка).

Далее процесс приобретения права муниципальной собственности на недвижимость регулируется нормами гражданского процессуального права в тесной взаимосвязи с нормами материального права.

Необходимо отметить, что уникальными с точки зрения процедуры приобретения права собственности и одними из наиболее характерных для непосредственного участия муниципального образования в процессе являются дела о признании права собственности на бесхозную недвижимость (гл. 33 ГПК РФ), поскольку единственными субъектами, уполномоченными подавать такие заявления в порядке особого производства, являются публично-правовые образования в лице их органов.

Процессуальные особенности рассмотрения данной категории дел находятся, как и в иных случаях, в теснейшей взаимосвязи с нормами материального права, и их эффективное применение напрямую зависит от совершенствования последних, так как разработка норм процессуальных отраслей должна осуществляться с ориентацией на нормы материального права, подлежащие применению в процессуальных формах [1].

Здесь необходимо выделить несколько проблем материально-правового и процессуально-правового характера, которые возникают при приобретении права собственности на бесхозную недвижимость.

1. В процессе рассмотрения заявления о признании права муниципальной собственности на бесхозную недвижимость выяснилось, что имеется лицо, претендующее на спорный объект недвижимости.

Если при подаче заявления или рассмотрении дела будет установлено, что есть спор о праве, то суд оставит заявление без рассмот-

¹ Приказ Минэкономразвития России от 10.12.2015 N 931 "Об установлении Порядка принятия на учет бесхозных недвижимых вещей" (Зарегистрировано в Минюсте России 21.04.2016 N 41899).

рения (ч. 3 ст. 263 ГК РФ). Это связано с тем, что только бесхозяйная недвижимость может перейти в публичную собственность на основании ст. 225 ГК РФ. А если на недвижимость кто-то претендует, то она не признается бесхозяйной². Кроме того, если у недвижимости есть владелец, который не зарегистрировал право собственности, то недвижимость тоже не признается бесхозяйной³.

Так, например, когда лицо, приобретшее объект недвижимого имущества, по тем или иным причинам в течение длительного времени не предоставляет регистрирующему органу правоустанавливающие документы (к примеру, договор купли-продажи) для осуществления государственной регистрации перехода права собственности на объект либо вообще отказывается от права собственности на него. В результате объект может быть признан бесхозяйной вещью.

Следует отметить, что целью постановки на учет имущества как бесхозяйного является признание на него в дальнейшем права муниципальной собственности. Формально если из представленных документов следует, что данный объект не зарегистрирован в органе технического учета, сведения о нем отсутствуют в региональном и федеральном реестрах имущества, то регистрирующий орган принимает объект недвижимого имущества на учет в качестве бесхозяйного. Однако в действительности может возникнуть ситуация, когда недвижимое имущество имеет собственника или законного владельца, хотя сведения о нем отсутствуют в публичных реестрах. Это порождает споры между собственниками недвижимого имущества, органами местного самоуправления и иными заинтересованными лицами.

Полагая, что постановка недвижимой вещи на учет как бесхозяйной препятствует реализации собственниками права на государственную регистрацию права собственности на эту вещь (ст. 551 ГК РФ), последние обращаются в суд за защитой нарушенного права. Если регистрирующий орган удовлетворяет требования собственников, органы местного самоуправления обращаются в суд с исками о признании незаконным отказа в государственной регистрации и принятия на учет бесхозяйного объекта недвижимости.

В практике арбитражных судов сложилось два подхода к решению указанной правовой проблемы.

Первый правовой подход к разрешению данной категории споров был изложен коллегией судей ВАС РФ в Определении от 18.04.2013 г. № ВАС-1150/13 по делу № А76-24747/2011, и он заключается в следующем. Наличие правопритязаний лица в отношении спорного объекта недвижимого имущества при отсутствии регистрации права на это имущество не может являться основанием для отказа в принятии на учет спорного объекта в качестве бесхозяйного. Учет спорного объекта в качестве бесхозяйного не влечет нарушения прав неизвестного собственника либо прав владельца в случае признания за ним права собственности на спорный объект недвижимости, а также не влечет изменений в фактическом владении лицом этим объектом⁴.

Арбитражные суды, придерживающиеся второго подхода, обращают внимание на то, что не принятое на учет в ЕГРН недвижимое имущество не может быть признано бесхозяйным при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

- правопритязание на объект недвижимого имущества (факт подачи в суд искового заявления о государственной регистрации перехода права собственности на спорный объект недвижимости);
- фактическое владение данным имуществом каким-либо лицом (осуществление охраны, текущего ремонта, оплата тепло- электро- энергии, используемой в ходе эксплуатации объекта, сдача объекта в аренду);
- наличие у какого-либо лица правоустанавливающих документов на спорный объект недвижимости (договор купли-продажи, акт приема-передачи).

Таким образом, отсутствие сведений в реестрах муниципальной и федеральной собственности о правообладателе спорного недвижимого имущества, а также сведений о государственной регистрации права какого-либо лица на спорный объект само по себе не может являться основанием для признания его бесхозяйным⁵.

Указанная позиция была поддержана Президиумом ВАС РФ в Постановлении от 02.07.2013 г. № 1150/13 по делу № А76-24747/2011⁶. В данном Постановлении Президиума ВАС РФ также указано, что к обстоятельствам, подтверждающим отсутствие оснований для признания недвижимого имущества бесхозяйным, относится наличие правопритязаний лица на объект недвижимости, которые могут выражаться в подаче заявления в регистрирующий орган о государственной регистрации перехода права собственности на спорный объект или искового заявления в суд о понуждении к государственной регистрации перехода права собственности на спорный объект в порядке ст. 551 ГК РФ.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что объект не может быть признан бесхозяйной вещью только на том основании, что приобретатель не зарегистрировал своё право на данный объект, необходимо иметь в виду наличие обстоятельств для приобретения права частной собственности в порядке приобретательной давности и наличие правопритязаний лица на данный объект. Кроме того, следует признать, что не принятое на учет в ЕГРН недвижимое имущество не может быть признано бесхозяйным при наличии известного собственника земельного

² Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 23.05.2019 по делу N 33-8472/2019, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.11.2019 N Ф01-6009/2019 по делу N А11-8932/2018, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.07.2020 N Ф06-63288/2020 по делу N А55-20909/2019, Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 29.01.2019 по делу N 33-576/2019.

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 02.07.2013 N 1150/13 по делу N А76-24747/2011, Апелляционное определение Московского городского суда от 06.07.2021 по делу N 2-1443/2021, Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.05.2022 N Ф02-1795/2022 по делу N А19-4275/2020, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08.10.2021 N Ф03-5357/2021 по делу N А51-18717/2020.

⁴ См.: Постановление ФАС Поволжского округа от 11.07.2013 г. по делу № А72-11498/2012; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 19.04.2010 г. по делу № А56-37740/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 14.09.2010 г. по делу № А19-3825/10; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.08.2011 г. по делу № А27-11096/2010; Постановление ФАС Московского округа от 26.07.2012 г. по делу № А41-16826/11; Постановление ФАС Поволжского округа от 12.07.2012 г. по делу № А57-5559/2011; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 09.08.2013 по делу № А22-2398/2012; Постановление ФАС Уральского округа от 27.06.2012 г. № Ф09-4109/12 по делу № А50-16084/2011; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.07.2012 г. № 18АП-6507/2012 по делу № А76-25260/2011; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2010 г. № 18АП-9981/2010 по делу № А34-2337/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 02.07.2013 г. № 1150/13 по делу № А76-24747/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

участка, на котором оно расположено.

То есть в случае, если есть лицо, претендующее на бесхозяйную недвижимость, то оно становится ответчиком по иску муниципального образования о признании права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь.

В судебной практике встречается позиция, что требовать признания права собственности на бесхозяйные вещи по ст. 225 ГК РФ в порядке искового производства - это ненадлежащий способ защиты. Поэтому, если не заявлено требований о признании права собственности по другим основаниям, суд может отказать в иске⁷. Однако, в судебной практике также встречается позиция, когда суд при рассмотрении иска администрации против ответчика признал право муниципальной собственности в порядке ст. 225 ГК РФ после того, как в порядке особого производства было отказано в этом⁸.

2. Разграничение предметов ведения и полномочий государственных органов и органов местного самоуправления, проблема выделения средств на реализацию указанных полномочий.

Соответственно, в собственности муниципальных образований и городов федерального значения может находиться не любое имущество, а только то, которое предназначено для выполнения возложенных на них функций и полномочий. При этом ст. 225 ГК РФ и ст. 290 ГПК РФ устанавливают строго ограниченный перечень субъектов, обладающих правом обращения в суд с заявлением о признании права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь - органы муниципальных образований и городов федерального значения. В этой ситуации муниципальные образования, города федерального значения оказываются обремененными полномочиями по принятию в собственность любого бесхозяйного имущества, даже того, которое не должно и не может в дальнейшем находиться в их собственности.

С одной стороны поступление в муниципальную собственность по решению суда бесхозяйного недвижимого имущества не только позволяет сохранить его от разрушения и разграбления, но и дает возможность использовать это имущество, что, в свою очередь, служит источником пополнения местного бюджета. Это выражается в арендных платежах за недвижимое имущество, налогах и сборах, поступающих от предпринимательской деятельности, осуществляемой с использованием объектов, поступивших в муниципальную собственность, это может быть продажа недвижимого имущества либо иные сделки с ним, предусмотренные действующим законодательством [2].

А с другой стороны институт бесхозяйности используется иными публично-правовыми образованиями в целях понуждения муниципальных образований к принятию в качестве бесхозяйных тех вещей, которые должны находиться в государственной собственности, и переложения на муниципалитеты бремени содержания и ответственности за состояние данных объектов [3].

3. Вопрос определения момента возникновения права муниципальной собственности на бесхозяйное имущество.

Многие авторы поднимают вопрос о том, предусматривает ли ст. 225 ГК РФ право или обязанность органа местного самоуправления подать заявление о постановке на учет бесхозяйных недвижимых вещей [2, 4].

На первый взгляд кажется, что данная норма имеет диспозитивный характер - органы местного самоуправления вправе, но не обязаны обращаться в суд с заявлением о признании бесхозяйного имущества муниципальным. Однако Т.С. Этина обращает внимание, что из содержания абз. 1 п. 3 ст. 225 ГК РФ следует, что обязанность выявления бесхозяйного недвижимого имущества и постановки таких объектов на учет возложена на муниципальное образование. Кроме органа местного самоуправления не указано других участников гражданского оборота, которые могут подать заявление о постановке на учет бесхозяйного недвижимого имущества.

Довольно часто выносятся решения не только об обязывании органов местного самоуправления обратиться в регистрирующий орган, но и о последующем принятии на свой баланс. Причем проблема правового регулирования режима бесхозяйного имущества требует пристального внимания, поскольку зачастую связана с реальной угрозой жизни и здоровья людей, что, в свою очередь, высвечивает проблему соотношения объектов муниципальной собственности, муниципального имущества и вопросов местного значения.

Вступившее в законную силу решение суда по делу о признании права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь не может подменять акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Указанный акт является обязательным и выступает в качестве завершающего элемента юридического состава, с которым связывается момент возникновения права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь. Отсюда следует общее правило, в соответствии с которым до момента государственной регистрации на стороне заинтересованного лица может быть лишь незаконченный состав приобретения права собственности по тому или иному основанию, установленному в законе.

4. Проблема соотношения норм гражданского и арбитражного процессов при рассмотрении данной категории дел.

Анализируя арбитражную практику по рассматриваемой категории дел, следует обратить внимание на ряд моментов.

Во-первых, это отсутствие в арбитражном процессуальном законодательстве специальной регламентации рассмотрения дел данной категории. По общему правилу арбитражные суды, принимая заявления о признании права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь к своему производству, рассматривают их по общим правилам искового производства. Однако, бесхозяйность недвижимого имущества предполагает отсутствие или неизвестность его собственника. А это значит, что ответчик по таким делам изначально не может быть определен и, следовательно, не приходится говорить об иске и исковом процессе.

Заявление муниципального образования о признании права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимость представляет собой самостоятельное средство защиты. В рамках гражданского судопроизводства требование о признании права собственности муницип-

⁷ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29.01.2020 N Ф10-6451/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.08.2021 N 17АП-8973/2021-ГК // СПС «КонсультантПлюс».

паптитет предъявляет посредством обращения в суд с заявлением в порядке особого производства.

Во-вторых, это смешение дел данной категории с делами особого производства об установлении фактов, имеющих юридическое значение, предусмотренными ст. 30 АПК РФ. Нормы АПК РФ, посвященные особому производству, касаются только установления фактов, имеющих юридическое значение. Однако ст. 225 ГК РФ предусматривает право муниципального органа обратиться в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на бесхозную вещь (признание права собственности), а не с заявлением об установлении факта бесхозности вещи.

В-третьих, это неопределенность действующих процессуальных норм о подведомственности дел данной категории. Ряд авторов считают, что дела о признании имущества бесхозным не могут быть рассмотрены в арбитражном суде вообще в связи с тем, что законодатель отнес их к исключительной подведомственности судов общей юрисдикции [5, 6].

Таким образом, необходимо сделать выводы о том, что частно-правовое регулирование приобретения права муниципальной собственности на бесхозные объекты недвижимости требует совершенствования как в материальном, так и в процессуальном законодательстве. Указанное обусловлено рядом проблем, возникающих в судебной практике по данной категории дел.

Библиография:

1. Грось Л.А. Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право (научно-практические проблемы): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
2. Этина Т.С. Процессуальные аспекты признания права муниципальной собственности на бесхозную недвижимую вещь // Вещные права: система, содержание, приобретение: Сборник научных трудов / Под ред. Д.О. Тузова. М., 2008.
3. Баженова О.И. Публично-правовое образование как собственник "в последней инстанции": проблемы правового регулирования и правоприменения // Конституционное и муниципальное право. 2012. N 11.
4. Мадырова А.В. Постатейный комментарий к Федеральному закону "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 25 декабря 2008 года N 281-ФЗ // Бюллетень правовой информации Общероссийского конгресса муниципальных образований. 2009. Вып. N 1(11).
5. Рожкова М.А. Основные понятия арбитражного процессуального права. М., 2003. С. 78; Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.И. Радченко. М.: Норма, 2003.
6. Отческая Т.И. Методика рассмотрения отдельных категорий арбитражных дел: Учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2005.

References:

1. Gros L.A. The influence of the norms of substantive law on civil procedural law (scientific and practical problems): Abstract of the dissertation of Dr. Yurid. M., 1999.
2. Etina T.S. Procedural aspects of recognition of the right of municipal ownership of an ownerless immovable thing // Real rights: system, content, acquisition: Collection of scientific papers / Edited by D.O. Tuzova. M., 2008.
3. Bazhenova O.I. Public legal education as an owner "in the last instance": problems of legal regulation and law enforcement // Constitutional and Municipal law. 2012. N 11.
4. Magyarova A.V. Article-by-article commentary to the Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated December 25, 2008 N 281-FZ // Bulletin of Legal Information of the All-Russian Congress of Municipalities. 2009. Issue No. 1(11).
5. Rozhkova M.A. Basic concepts of arbitration procedural law. M., 2003. P. 78; Commentary to the Civil Procedure Code of the Russian Federation / Under the general ed. V.I. Radchenko. M.: Norm, 2003.
6. Otchesky T.I. Methodology of consideration of certain categories of arbitration cases: Textbook. Tyumen: Publishing House of Tyumen. un-ta, 2005.

DOI 10.47643/1815-1329_2022_12_114

УДК 343.535

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАЗЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ GENERAL PROVISIONS ON THE INVOLVEMENT OF STATE-OWNED INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN SUBSIDIARY RESPONSIBILITY

АВДЕЕВ Сергей Станиславович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Академии ФСИН России.

390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: Avdeev.1978@mail.ru;

Avdeev Sergey Stanislavovich,

PhD in law, senior lecturer at the Department of civil law and procedure, faculty of law, Academy of the Federal penitentiary service of Russia.

390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: Avdeev.1978@mail.ru

Краткая аннотация: в статье обобщаются нормы права, регулирующие порядок привлечения учреждений к субсидиарной ответственности, с учетом такого специфического субъекта как казенное учреждение ФСИН России.

Abstract: the article summarizes the rules of law governing the procedure for bringing institutions to subsidiary liability, taking into account such a specific entity as a state institution of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ключевые слова: учреждение, казенное учреждение, субсидиарная ответственность, нормы права, ФСИН России.

Keywords: institution, state institution, subsidiary responsibility, rules of law, the Federal Penitentiary Service of Russia.

Для цитирования: Авдеев С.С. Общие положения привлечения к субсидиарной ответственности казенных учреждений ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2022. № 12(216). С. 114-115. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_114.

For citation: Avdeev S.S. General provisions of the involvement of state-owned institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in subsidiary responsibility // Agrarian and Land Law. 2022. No. 12(216). pp. 114-115. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_114.

Статья поступила в редакцию: 30.11.2022

Согласно положениям п.п.1, 2 ст.113 ГК РФ [1] унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество. Имущество государственного или муниципального унитарного предприятия находится в государственной или муниципальной собственности и принадлежит такому предприятию на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.

В силу п.6 этой же статьи собственник имущества унитарного предприятия, исключением собственника имущества казенного предприятия, не отвечает по обязательствам своего унитарного предприятия. Собственник имущества казенного предприятия несет субсидиарную ответственность по обязательствам такого предприятия при недостаточности его имущества.

В соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона №161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [2] в Российской Федерации создаются и действуют следующие виды унитарных предприятий: унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения, федеральное государственное предприятие и государственное предприятие субъекта Российской Федерации, муниципальное предприятие; унитарные предприятия, основанные на праве оперативного управления, - федеральное казенное предприятие, казенное предприятие субъекта Российской Федерации, муниципальное казенное предприятие.

Казенное учреждение - это государственное или муниципальное учреждение, которое за счет средств соответствующего бюджета обеспечивает реализацию полномочий органов государственной власти или местного самоуправления.

Согласно своей правовой природы, казенные учреждения являются некоммерческими организациями. Законодатель в Бюджетном кодексе РФ указал, для чего они созданы [3]:

- 1) оказывать (выполнять) государственные (муниципальные) услуги (работы).
- 2) исполнять государственные (муниципальные) функции.

Согласно п. п. 2, 3 ст. 7 Закона Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование не несут ответственность по обязательствам государственного или муниципального предприятия, за исключением случаев, если несостоятельность (банкротство) такого предприятия вызвана собственником его имущества. В указанных случаях на собственника при недостаточности имущества государственного или муниципального предприятия может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

В соответствии с п. 1 ст. 399 ГК РФ до предъявления требований к лицу, которое в соответствии с законом, иными правовыми актами или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником (субсидиарную ответственность), кредитор должен предъявить требование к основному должнику. Если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование, это требование может быть

предъявлено лицу, несущему субсидиарную ответственность.

Российская Федерация, субъекты Российской Федерации или муниципальные образования несут субсидиарную ответственность по обязательствам своих казенных предприятий при недостаточности их имущества. По смыслу указанных правовых норм основанием для привлечения собственника имущества казенного предприятия к субсидиарной ответственности является недостаточность находящихся в распоряжении основного должника денежных средств, иного имущества для исполнения денежного обязательства.

Таким образом, мы отталкиваемся от того, что субсидиарная ответственность собственника имущества государственного предприятия установлена за его собственные недобросовестные и неразумные действия, не позволившие государственному предприятию удовлетворить требования кредиторов.

Одним из субъектов, о котором говорит законодатель, выступают казенные учреждения УИС. Порядок привлечения этого субъекта к гражданско-правовой ответственности за нарушение своих обязательств достаточно специфичен, что обусловлено тем, что казенные учреждения УИС в соответствии с пунктом 8 части 3 статьи 50 ГК РФ являются государственными организациями. Это означает, что учредителем данного субъекта выступает Российская Федерация в лице соответствующего уполномоченного органа - ФСИН России. Этот специфический правовой статус подтверждается и советующим экономическим базисом, а именно положениями статьи 161 БК РФ, согласно пункту 2 которой финансовое обеспечение деятельности казенного учреждения осуществляется за счет средств федерального бюджета бюджетной системы Российской Федерации и на основании бюджетной сметы. Исходя из этого, при своем участии в гражданском обороте, казенные учреждения используют бюджетные средства, в том числе, и при применении к ним мер гражданско-правовой ответственности.

Основываясь на вышеизложенном, мы можем сделать вывод о том, что участие казенных учреждений УИС в гражданском обороте в целом, а в вопросах субсидиарной ответственности, в частности, регулируются нормами не только гражданского, но, в том числе, бюджетного права.

Как уже было отмечено, общие условия наступления субсидиарной ответственности собственника казенных учреждений УИС предусмотрены в статье 399 ГК РФ с учетом требований, установленных в статье 120 ГК РФ.

Кратко укажем основные моменты этого института.

Предъявление требований к Российской Федерации в лице ФСИН возможно только после предъявления аналогичных требований к казенному учреждению. Согласно сложившейся судебной практики, основанием наступления соответствующей ответственности является обращение в арбитражный суд с исковым заявлением в отношении учреждения.

Одновременно стоит отметить, что субсидиарная ответственность наступает только при отсутствии денежных средств на счетах казенного учреждения.

Таким образом, констатируем, что для привлечения ФСИН и Российской Федерации к субсидиарной ответственности должны иметься соответствующие как материальные, так и процессуальные основания.

Библиография:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022).
2. Федеральный закон от 14.11.2002 N 161-ФЗ (ред. от 30.12.2021) "О государственных и муниципальных унитарных предприятиях".
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 21.11.2022).

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one)" dated 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 25.02.2022) (with amendments and additions, intro. effective from 01.09.2022).
2. Federal Law No. 161-FZ of 14.11.2002 (as amended on 30.12.2021) "On State and Municipal Unitary Enterprises".
3. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ of 31.07.1998 (as amended on 21.11.2022).

К ВОПРОСУ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЛЕНОВ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ON THE ISSUE OF SUBSIDIARY LIABILITY MEMBERS OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

УМАРОВА Мадина Алиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
366007, Чеченская Республика, г. Грозный, пр. Бульвар Дудаева, 17.

E-mail: umarova1982@mail.ru;

UMAROVA Madina Alievna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
A.A. Kadyrov Chechen State University.

17 Dudaev Boulevard Ave., Grozny, Chechen Republic, 366007.

E-mail: umarova1982@mail.ru

Краткая аннотация: предметом исследования в настоящей статье являются общественные отношения по установлению и применению мер субсидиарной ответственности в некоммерческих организациях. Цели исследования - юридическая оценка норм о субсидиарной ответственности членов некоммерческой организации и их применения судами при рассмотрении споров; анализ доктринальных взглядов на проблемы субсидиарной ответственности.

Abstract: the subject of research in this article is public relations on the establishment and application of subsidiary liability measures in non-profit organizations. The purpose of the study is a legal assessment of the rules on subsidiary liability of members of a non-profit organization and their application by courts when considering disputes; analysis of doctrinal views on the problems of subsidiary liability.

Ключевые слова: некоммерческая организация, ответственность, субсидиарность, потребительские кооперативы, деятельность НКО.

Keywords: non-profit organization, responsibility, subsidiarity, consumer cooperatives, NGO activities.

Для цитирования: Умарова М.А. К вопросу о субсидиарной ответственности членов некоммерческих организаций // Аграрное и земельное право. 2022. № 12(216). С. 116-117. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_116.

For citation: Umarova M.A. On the issue of subsidiary liability of members of non-profit organizations // Agrarian and Land Law. 2022. No. 12(216). pp. 116-117. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_116.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2022

Отдельные виды обязанностей, в частности обязанность нести субсидиарную ответственность, применяются только к членам кооперативов (причем кооперативов разных сфер деятельности), что не позволяет отнести их ни к универсальным, ни к специфическим, а выделяет их в группу смежных обязательств.[1, с.35]

По своей сути субсидиарная ответственность предполагает такую обязанность членов НКО как покрытие убытков некоммерческой организации либо погашение ее обязательств перед кредиторами. В ст. 116 ГК РФ предусмотрено, что члены потребительского кооператива обязаны в течение трех месяцев после утверждения ежегодного баланса покрыть образовавшиеся убытки путем дополнительных взносов.

Члены потребительского кооператива солидарно несут субсидиарную ответственность по его обязательствам в пределах невнесенной части дополнительного взноса каждого из членов кооператива. В случае невыполнения этой обязанности кооператив может быть ликвидирован в судебном порядке по требованию кредиторов. Исполнение такой обязанности гарантируется только в том случае, если в уставе потребительского кооператива четко прописаны порядок утверждения баланса, а также порядок и сроки покрытия убытков. В противном случае членами зачастую предпринимаются попытки уклонения от исполнения своих обязанностей.

Так, КГПО (далее – Общество) обратилось в арбитражный суд Тверской области с иском заявлением к Тверскому областному союзу потребительских обществ (далее – Союз) о взыскании 559 805 рублей 42 коп. убытков. Согласно материалам дела, 17 августа 2020 г. состоялось собрание уполномоченных пайщиков Общества, на котором был рассмотрен вопрос о погашении возникших по результатам финансового 2019 г. убытков в размере 1 млн 180 тыс. руб. По результатам рассмотрения данного вопроса принято постановление о погашении пайщиками убытков пропорционально минимальному размеру вступительного взноса, утвержденного уставом Общества. Согласно п. 3.4 устава, зарегистрированного в новой редакции 21 июня 2020 г., для физических лиц вступительный взнос составляет не менее 180 руб., паевой – не менее 20 руб., для юридических лиц – не менее 200 минимальных размеров оплаты труда, утвержденных Правительством Российской Федерации на момент вступления пайщика в Общество, и не менее 200 руб. соответственно. В связи с этим и была определена обязанность внесения дополнительных взносов для погашения убытков.

Опираясь на ст. 116 Гражданского кодекса РФ, а также на ст. 9, 16 и 25 Закона о потребительской кооперации, суд первой инстанции и апелляционная коллегия пришли к выводу о том, что рассмотрение вопроса о покрытии пайщиками убытков и принятие решения о внесении изменений в устав в части покрытия убытков за счет внесения пайщиками дополнительных взносов на собрании уполномоченных пайщиков истца, проводимом 17 августа 2020 г., не противоречит указанным выше нормам права.

Однако на момент утверждения результатов финансового 2019 г. – годового бухгалтерского баланса на собрании уполномоченных пайщиков 05 марта 2020 г. устав истца не содержал порядка погашения понесенных убытков за счет дополнительных взносов пайщиков. В связи с этим в установленный законом трехмесячный срок ответчик не имел возможности принять участие в покрытии образовавшихся убытков путем внесения дополнительного взноса. Данные изменения в устав приняты на собрании 17 августа 2020 г. и зарегистрированы 07 сентября 2020 г., при этом последствий невыполнения пайщиками своих обязательств по невнесению дополнительных взносов, в том числе путем взыскания с

пайщиков суммы убытков в размере невнесенных ими дополнительных взносов, устав истца не содержит.

Кроме того, истец не представил доказательств предъявления ему требований кредиторов в заявленной сумме и необходимости их погашения, внесения дополнительных взносов всеми пайщиками за исключением ответчика. Также истцом не предъявлено доказательств невозможности покрытия убытков за счет иных источников (резервного фонда, имущества). В свете вышеизложенного требования истца удовлетворены не были [2]. Результаты рассмотрения данного и многих других аналогичных дел [3] позволяют сделать вывод о том, что сами кооперативы, имея возможность детально регламентировать процедуры исполнения членами их обязанностей, упускают ее, исходя, видимо, из принципа добросовестности поведения субъектов правоотношения, а также предполагая, что действующее законодательство о некоммерческих организациях содержит детальные нормы о правах и обязанностях членов НКО.

Вместе с тем в большинстве случаев законодатель возлагает право регламентации порядка возложения и исполнения обязанностей непосредственно на кооперативы. Думается, что независимо от степени регламентации, содержащейся в законодательных актах, уставы некоммерческих организаций должны включать в себя нормы, подробнейшим образом прописывающие не только перечень обязанностей, но и момент их возникновения, порядок исполнения и ответственность за их неисполнение. Отдельно должен быть регламентирован порядок принятия решения общим собранием по вопросам, отнесенным к его компетенции. Например, утверждение финансовой отчетности за прошедший год должно сопровождаться утверждением суммы понесенного убытка, рассмотрением причин его возникновения и определением сроков его покрытия. Обязанность покрытия убытков должна, по нашему мнению, возлагаться на членов в том случае, если данные убытки, образовавшиеся в результате возросшей кредиторской задолженности, не могут быть покрыты в процессе текущей деятельности кооператива без принятия дополнительных мер в следующем финансовом году.

Законодательством о некоммерческих организациях в качестве обязанности указывается уплата членских и иных взносов. Однако членство в НКО для целей исследования процедуры уплаты взносов можно разделить на 2 этапа: этап приема в члены и этап непосредственного нахождения в статусе члена НКО. Поэтому и исполнение обязанности по уплате взносов, думается, надо рассматривать с позиции разделения на этапы. Дискуссионным остается вопрос об уплате взносов при приеме в члены НКО. Ранее уплата вступительных взносов нами была названа как составная часть 3 этапа приема в члены НКО. Однако в ст. 15 закона РФ «О сельскохозяйственной кооперации» указано, что заявитель считается принятым в члены кооператива со дня утверждения соответствующего решения правления кооператива, наблюдательным советом кооператива или общим собранием членов кооператива. Вместе с тем при подаче заявления физическое либо юридическое лицо принимает на себя обязательство об уплате паевых и иных взносов.

Далее в ст. 10 Закона о потребительской кооперации предусматривается, что претендент на членство признается пайщиком в случае принятия решения о его приеме в потребительское общество с момента уплаты вступительного взноса, а также паевого взноса или его части, установленной уставом потребительского общества. Таким образом, в различных правовых нормах законодателем уплата паевых и вступительных взносов позиционируется и как необходимое условие для принятия в члены НКО [4, с. 5], и как обязанность (для НКО другого типа), возникшая в момент утверждения конкретного гражданина кандидатом в члены НКО. Однако отдельные законодательные акты не содержат прямого указания о моменте возникновения обязанности по внесению вступительных взносов. В частности, Закон РФ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» содержит указание только на то, что вступительные взносы должны своевременно уплачиваться.

По нашему мнению, указанные НКО схожи по структуре и принципу деятельности, соответственно, они должны иметь и аналогичные процедуры оформления членства. Приведенные выше примеры доказывают, что данные процедуры в большинстве НКО содержат одинаковые этапы. В связи с этим внесение любых взносов, в том числе вступительных и паевых, должно относиться к обязанностям члена НКО уже после принятия решения и оформления соответствующих документов.

Полагаем, необходимо внести следующие изменения в законодательные акты, регламентирующие деятельность НКО: вступающий должен признаваться членом некоммерческой организации по факту принятия решения и со дня утверждения соответствующего решения правления. И уже после этого на члена НКО должна возлагаться обязанность по уплате вступительных и паевых взносов. Данное мнение поддерживается и судебными постановлениями. Например, как следует из постановления Федерального арбитражного суда Поволжского округа, судами правомерно удовлетворено заявление о взыскании задолженности по оплате членских взносов, неустойки за несвоевременную уплату членских взносов, поскольку суды, ссылаясь на добровольный характер взносов и наличие в связи с этим у подателя жалобы обязательства, обоснованно учли, что член кооператива, добровольно вступая в него, одновременно добровольно принимает на себя и обязанности признавать устав, уплачивать взносы и выполнять другие обязательные требования. [5]

Библиография:

1. Сумской Д.А. Статус юридических лиц: учебное пособие для вузов. М., 2006. С. 35.
2. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 декабря 2020 г. № 14 АП-9151/20. URL // <http://garant.ru>
3. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 3 августа 2011 г. № Ф02-2838/11 по делу № А69-1813/2019. URL // <http://garant.ru>; постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 25 мая 2011 г. № Ф06-3568/11 по делу № А57-43/2019. URL // <http://garant.ru>
4. Устюкова В.В. Субсидиарная ответственность членов сельскохозяйственных кооперативов // Сельское хозяйство. 2020. №2. С. 1-9.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 30 марта 2020 г. по делу № А12-5503/2019. URL // <http://garant.ru>

References:

1. Sumskey D.A. The status of legal entities: a textbook for universities. M., 2006. p. 35.
2. Resolution of the Fourteenth Arbitration Court of Appeal of December 18, 2020 No. 14 AP-9151/20. URL // <http://garant.ru>
3. Resolution of the Federal Arbitration Court of the East Siberian District of August 3, 2011 No. F02-2838/11 in case No. A69-1813/2019. URL // <http://garant.ru>; Resolution of the Federal Arbitration Court of the Volga Region dated May 25, 2011 No. F06-3568/11 in case No. A57-43/2019. URL // <http://garant.ru>
4. Ustyukova V.V. Subsidiary responsibility of members of agricultural cooperatives // Agriculture. 2020. No.2. pp. 1-9.
5. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Volga District of March 30, 2020 in case No. A 12-5503/2019. URL // <http://garant.ru>